

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САРАТОВСКИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра немецкого языка
и методики его преподавания

**РУССКАЯ ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКОВЫХ
ВАРИАНТАХ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 421 группы
направления подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование»,
профиль – «Иностранный (немецкий) язык»
факультета иностранных языков и лингводидактики

Вааль Марии Филипповны

Научный руководитель
доценткаф. немецкого языка и
методики его преподавания,
канд. филол. наук, доцент _____

А.Я. Минор

Заведующий кафедрой
канд. филол. наук _____

Е.В. Полянина

Саратов-2016

Введение. Данное исследование посвящено изучению способов заимствования русской лексики и ее функционированию в немецком языке. Заимствование языковых явлений из одного языка в другой по праву считается одним из наиболее древних процессов межъязыкового взаимодействия. Разного рода заимствования и калькирования на современном этапе развития языков являются наиболее репрезентативным способом обогащения словарного состава каждого языка, который представляет собой, как полагает С. И. Бурмасова, самый подвижный языковой компонент, находящийся в процессе постоянного изменения, поскольку именно лексика обращена к объективной действительности и непосредственно отражает все, что в ней происходит[1]. Ни один язык никогда не обходился одними только собственными лексическими средствами. Таких языков, которые никогда ничего не заимствовали у других, не было, и нет. Наличие заимствованных слов в разных языках отражает тот факт, что любой народ живет в соприкосновении с другими народами, общается с ними, обменивается практическим опытом, обогащается их достижениями и сам влияет на мировую науку и культуру других народов.

Актуальность данной темы связана с тем фактом, что любой современный язык есть живой язык, который постоянно развивается и изменяется. Несмотря на многочисленные работы, написанные учеными по вопросам заимствований и их роли в языке-реципиенте, по-прежнему не достаточно исследованы способы заимствования лексики из языка окружения, то есть преимущественно русского языка в языковые варианты поволжских немцев.

Цель исследования – выяснение причин и способов заимствования русской лексики в немецкий язык и условия ее функционирования в языке-реципиенте.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) рассмотреть общественно-исторические условия, которые вызывают необходимость заимствовать слова из языка окружения;

- 2) изучить судьбу заимствованных слов в языке-реципиенте;
- 3) исследовать функционирование заимствованных слов в языке-реципиенте;
- 4) при помощи метода сплошной выборки составить список слов, заимствованных из русского языка в немецкий язык.

Материалом для исследования послужили литературные произведения поволжских немецких авторов, а именно Платена, Г. Бератца, Цюге, Иогана Каспера Бата, Августа Штальбаума, Матерна, Антона Шнайдера, Фридриха Дзирне, А. Клауса, Г. Бауера, Д. Куфельда, общим объемом около одной тысячи страниц.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав «Лексические заимствования как лингвистическое явление в условиях языковых и культурных контактов» и «Заимствование русской лексики в языковые варианты поволжских немцев», заключения, списка использованных источников и двух приложений.

Основное содержание работы. Роль контактов с различными языками в судьбе какого-либо языка на каждом этапе его исторического развития самоочевидна. Это один из важнейших источников пополнения лексического состава языка. Лингвистическая проблематика языковых контактов многопланова. С проблемой заимствований, являющейся неотъемлемой частью данной проблематики, в свою очередь связано множество общих и частных вопросов.

Проблема языковых контактов включает в себя лингвистические, социальные и психологические вопросы. Лингвистически центральное место в ней занимает проблема социальной дифференциации языка в условиях билингвизма и диглоссии; языковое планирование и проблема нормы. В данной связи следует отметить, что ряд концепций, выработанных ранее на материале билингвизма, впоследствии легли в основу анализа явлений, связанных с диглоссией. Важную роль в разработке проблем языковых контактов и билингвизма сыграли труды видных американских ученых У. Вайнрайха и Э.

Хаугена [2, с. 26], а также российских ученых А. Е. Карлинский [3], А. Я. Минор [4].

Дело в том, что при контактировании различных языков действует по существу тот же механизм переключения от одной языковой системы к другой в зависимости от социальной ситуации. В конечном счете, это зависит от социальной структуры данного общества, которая предопределяет, какой именно из данных языков используется в сфере образования, в быту и т.д. Разумеется, как справедливо отмечает А. Д. Швейцер, структурно-лингвистическое различие между диглоссией и билингвизмом всегда остается в силе: в одном случае речь идет о контактировании разноязычных систем, а в другом – о контактировании двух вариантов одной системы. Но что касается влияния социальных факторов на взаимодействие контактирующих систем, то здесь, несомненно, наблюдаются аналогичные процессы [5, с. 68].

Таким образом, интерпретация ряда теоретических вопросов, касающихся проблем языкового воздействия, приводит нас к его частному проявлению – заимствованиям.

Сразу же следует отметить, что в понятия "заимствование" и "заимствованное слово" различными авторами вкладываются разные значения. Л. Блумфилд под заимствованием понимает определенный вид языковых изменений и различает: 1) заимствование понятий культуры; 2) внутреннее заимствование, происходящее в результате непосредственных языковых контактов, обусловленных территориальной или политической близостью; 3) диалектные заимствования, проникшие в литературный язык из диалектов [6, с. 147]. У. Вайнрайх рассматривает заимствование как начальную форму интерференции языков в условиях билингвизма [7, с. 71]. Е. Хауген выделяет полное заимствование и частичное воспроизведение, что позволяет учитывать не только лингвистические, но и историко-социальные факторы [8, с. 23].

Раскрывая понятие заимствования с точки зрения его структурного состава, Л. П. Крысин считает целесообразным называть заимствованием "процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой.

Под различными элементами понимаются единицы разных ярусов языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики. В соответствии с этим необходимо ограничивать термин "заимствование" в тех случаях, когда речь идет о перемещении элементов одного уровня: например, "лексическое заимствование" [9, с. 54–67].

Заимствование слов из других языков является, как уже говорилось выше, важнейшим источником обогащения словарного состава любого языка, в том числе и немецкого.

В ходе своих исследований Л. П. Ефремов сделал выводы, что в словарном составе немецкого языка лексические заимствования занимают особенно большое место. Это исходит из того, что Германия в течение длительного времени оставалась раздробленным, слабым государством и в различные эпохи попадала под экономическое, политическое и культурное влияние целого ряда стран, которые опередили ее в своем развитии [10, с. 152–164].

Лексическое заимствование может обогащать словарный состав языка, но может и засорять его. Обогащение лексики имеет место в тех случаях, когда слова и устойчивые словосочетания заимствуются вместе с новыми для национального языка понятиями более высокоразвитой экономики, техники, культуры и пр. или когда иноязычные слова, которые первоначально являются дублетами к словам национального языка, дифференцируются в своем значении от последних, пополняя тем самым состав идеографических или стилистических синонимов национального языка.

При лексических заимствованиях, дублирующих слова национального языка и являющихся по отношению к ним абсолютно равнозначными синонимами, обогащения словарного состава не происходит потому, что подобные иноязычные слова имеют, узкую социальную сферу употребления.

Почти каждое иностранное слово приносит с собой что-то новое. Многие международные слова не переводятся, они относятся к словарным словам.

Существует три классификации заимствованных слов немецкого языка, каждая из которых ставит своей целью показывать жизнь заимствованной лексики в современном немецком языке. Считается, что вторая классификация, данная Л. Р. Зиндер и Т. В. Строевой, отражает функционирование этой лексики в современном языке более полно.

Причины лексического заимствования могут быть внешними и внутренними.

Внешние заимствования это те заимствования, которые возникают вследствие тесных политических, торгово-экономических связей между народами-носителями языков. Как правило, результатом данного влияния оказывается заимствование слова вместе с введением в свой обиход вещи или понятия из другого региона.

Далее приводятся примеры русских заимствований в немецком языке из статьи Г. Г. Дингеса «О русских словах, заимствованных поволжскими немцами до 1876 года» (1, с. 27–59).

Одним из источников, в котором Дингес встретил русские слова, является книга «Der russische Colonist oder Christian Gottlob Züge's Leben in Rußland». Ее автор, подмастерье Цюге, уроженец г. Геры в Тюрингии, видимо, в 1765 году присоединяется к транспорту колонистов, направленных через город Любек морем в Россию.

В данной книге, встречаются следующие предложения с русскими словами: Über diesem Kleide, *Serrevahn* genannt, tragen die wohlhabenderen oder galanteren Russinnen eine *Fufei* oder kurzen Mantel mit Armlöchern (Поверх этого платья, называемого *сарафан*, более состоятельные или более галантные русские женщины носят *фуфай* или короткий плащ с проймами). Слово «*фуфай*» в языке поволжских немцев, Г. Дингес не встречал. Видимо, Цюге имел в виду городских женщин, следящих за модами, когда он говорит о «состоятельных» и «галантных» женщинах, а с ним поволжские немцы, естественно, мало сталкивались. Наоборот, слово «*сарафан*», как заимствование, было очень известно в языках поволжских немцев, это слово

известно и по настоящее время, в качестве обозначения одежды, употребительной у русских (*Sarafan*).

Далее примеры из той же книги: – ...wollte sich das letzte deutsche Kleidungsstück nicht mehr zusammen flicken lassen, so schaffe man sich statt dessen einen russischen *Kaftany* an... (...если последнее оставшееся немецкое платье нельзя было зашить никакими заплатами, то приобретали себе на его место русский *кафтан*...). На этом примере особенно очевидно, как жизненные обстоятельства заставляли первых поселенцев заводить себе русские вещи, и вместе с тем, если этих вещей ранее они не знали на своей немецкой прародине, перенимать и их русские названия.

– Bequemere zu reisen, versah ich mich mit einem Wagen, darnach russischer Art eine *Kibitke* hatte (Для удобства путешествия я завел себе телегу, которая по русскому обычаю была снабжена *кибиткой*) – пишет Цюге о своем путешествии из Саратова до того места, где должна была быть основана колония Крацке. Можно думать, что не только Цюге, но и другие переселенцы завели себе кибитки для этой части своего пути. Немцы заводили себе кибитки лишь в случаях переселения, например, на Кавказ или Сибирь, когда они отправлялись туда на телегах.

– Die Russen rathen uns *Simlinken* zu bauen (Русские посоветовали нам построить землянки). К постройке землянок было принуждено большинство первых немецких поселенцев, т. к. казенные дома, обещанные правительством, лишь в немногих случаях были уже выстроены.

С *кибитками* и *землянками* на своей прародине, поволжские немцы не встречались. Поэтому, поселившись, на русских землях они называют их – их русскими названиями, а именно *Kibitke* и *Simlinke*.

В настоящее время слова *Kibitke* и *Simlinke* используются у немцев, но не в частом употреблении и лишь для обозначения этих русских названий.

Другая внешняя причина заимствования – необходимость обозначить с помощью иноязычного слова какой-либо вновь появившийся специальный вид предметов или понятий.

Далее следуют примеры из того же источника (книга «Der russische Colonist oder Christian Gottlob Züge's Leben in Rußland», автором которой является подмастерье Цюге).

– Jetzt näherte sich unserem Schiffe ein kleines Kahn, in welchem sich nur eine einzelne Frauenperson befand, die uns *Kolatschy*, einer Art kleiner, weißer Brode von sehr gutem Geschmacke zum Verkaufe anbot (Теперь приблизился к нашему кораблю маленький чолн, в котором находилась лишь одна женщина, предлагавшая к продаже *калачи*, род маленьких белых хлебов очень хорошего вкуса).

– Besonders gut schmeckten mir die *Phliny-Garetschy*, eine Art Kuchen... in eisernen Pfannen gebacken (особенно нравились мне на вкус *блины-горячи*, род кухен... испеченных на железной сковороде). Там же: *Piroschy-Garetschy*... (*пирожки-горячи*). Особенности русской кухни, определяемы совершенно иными хозяйственно-бытовыми условиями, естественно бросались в глаза немецким переселенцам. *Пирог*, *блины* и *калачи* являются общепотребительной пищей.

Quaas, welches eine Art Haus – oder Kesselbier ist... (*квас*, который есть род домашнего пива или пива, варенного в котле). Тут важно то, что Цюге для русского изделия употребляет русское слово, которое и в настоящее время налицо в современном немецком языке, отличается лишь в его написании. Долгота в слове «*квас*» у Цюге, обозначаемая двойным написанием «а», может объясняться тем, что русское «а» (в абсолютном смысле), звук более долгий, чем немецкое краткое «а», в данном же случае скорее всего тем, что Цюге слышал это слово на базаре и около бань, где сидели торговки квасом, протяжно выкрикивая это слово.

В отношении внутренних заимствований считается, что они возникают в связи с дифференциацией наименований, поскольку языку присуща тенденция к расслоению языковых средств по смыслу.

В результате этого процесса значение, выражаемое одним словом, может уточняться с помощью другой звуко-графической оболочки и эти два смысла

получают родную и иноязычную номинацию, например в языках поволжских немцев встречались следующие заимствования из русского языка, но при этом поволжские немцы употребляли наряду с этими заимствованиями и их немецкие названия:

Beluschen (рус.) и *Hausen* (нем.) – (*белуги*); *Ikra* (рус.) и *Kaviar* (нем.) – (*икра*). Эти примеры так же взяты из книги «Der russische Colonist oder Christian Gottlob Züge's Leben in Rußland», автором которой является подмастерье Цюге.

Обращает на себя внимание то, что у Цюге имеется свое не русское слово для обозначения «белуги» и «икры». Слова «белуга» и «икра», видимо, обозначали исключительно явление русской жизни.

Arpusen (рус.) и *Melonen* (нем.) – (*арбузы*). Цюге, побывший лишь одно лето в только что основанной колонии, едва ли мог видеть, что его односельчане разводят арбузы. Упоминает он арбузы при описании Саратовских садов и огородов. Можно, однако, не сомневаться, что не только Цюге, но и всем другим немцам бросался в глаза арбуз, и что еще в то время почти во всех селах было заимствованно его русское название.

Вофициальномдокументе«Protocoil überdieBesichtigungderViehherdenundFelderderKoloniendesCatharinenstadterKreises»(1865 г.), который так же был рассмотрен Г. Г. Дингесом,можнобыловстретить:

*DiePferdetabun*befindetsichaufder*Tabunsteppe*ander*Montschet* (Лошадиный табун находится на степи для табунов на (речке) Мончет), при чем слово *Pferdetabun* упоминается под каждой колонией тогдашней Екатериненштадской волости. Слово *Tabun* этого документа следует,безусловно, считать народным, крестьянским. В данном документе, правда, раз встречается *die Pferde in 2 Herden* (лошади в двух стадах). Но это не противоречило утверждению об употреблении слова *Tabun* в языках поволжских немцев.

Воздействие языка окружения наиболее ярко проявляется на лексическом уровне языка. На настоящем этапе можно констатировать, что русизмы

проникли практически во все сферы немецкого языка, как в официальную, так и бытовую.

Очевидно, что основной причиной переноса русской лексики в немецкий является потребность в наименовании новой вещи, нового явления (или частично нового), то есть заимствование вызвано материальным контактированием двух культур.

Заключение. Заимствование иноязычных слов – основа общения стран и народов. Страны и народы в процессе своего общения перенимают друг у друга слова и перестраивают их согласно внутренним правилам своего языка.

Воздействие языка окружения наиболее ярко проявляется на лексическом уровне. На настоящем этапе можно констатировать, что русизмы проникали практически во все сферы немецкого языка, как в официальную, так и бытовую.

Уже на начальной стадии возникновения языковых островов в России, немецкому языку было присуще взаимодействие с языком окружения – с русским языком. Поскольку большая часть носителей немецкого языка в то время была монолингвальна, процесс заимствования проходил, в основном, через устную речь, что явилось причиной высокой степени фонетической ассимиляции заимствованных элементов.

Для того чтобы иноязычные слова могли войти в какой-либо язык, должна возникнуть необходимость в этом слове, как правило, внутренних ресурсов словообразования в языках Поволжских немцев было недостаточно, чтобы адекватно отражать изменяющуюся окружающую действительность. Поэтому обращение к системе чужого языка выступает в качестве основного источника расширения словарного состава немецкого языка. Среди причин переноса русских элементов в язык Поволжских немцев следует также отметить такой фактор, как восприятие русского слова как более престижного, «ученого», «красиво звучащего». Таким образом, в немецкий язык попадали лексемы из различных сфер: из сферы официальной государственной жизни, работы, учебы и общественной деятельности, сферы бытового общения.

Основной причиной переноса русских лексем в немецкий язык являлась потребность в наименовании новой вещи, нового явления (или частично нового), то есть заимствование вызвано материальным контактированием двух культур.

Заимствования из русского языка, войдя в немецкий язык вместе с новым предметом или явлением, могли также легко выйти из употребления, вместе с устареванием данного предмета или явления, то есть наблюдается архаизация заимствованной лексики. Прежде чем русизм становится фактом языка, он проходит некоторые стадии развития: иноязычные лексические элементы обычно сначала встречаются в единичных случаях в речи отдельных лиц, выступая в качестве окказиональных заимствований. Затем, после многократного употребления, появляется возможность перехода этих элементов в лексическую систему немецкого языка.

Освоение заимствованных слов сопровождается и их ассимиляцией. Степень фонетической ассимиляции во многом зависела от уровня двуязычия и преимущественной сферы функционирования заимствованного слова в немецком языке. В условиях одноязычия большинства российских немцев полное или почти полное фонетическое уподобление являлось обязательным условием освоения заимствований из русского языка. В процессе развития субординативного билингвизма и перехода к координативному, когда носители немецкого языка уже овладели русским языком и его фонетической системой, заимствованные элементы перестали подвергаться полной фонетической ассимиляции.

Помимо переноса полнозначных лексем (имена существительные и прилагательные, глаголы, наречия) отмечается перенос так называемых функциональных слов, которые показывают большую частоту употребления, особенно в речи представителей среднего и младшего поколения.

На использование заимствованных элементов в речи влияет целый ряд социолингвистических факторов, таких как, возраст, род деятельности, место

проживания и др. Кроме того, немаловажными являются тематика разговора и ситуация, при которой осуществляется коммуникация.

Заемствованные слова необходимы только в том случае, если они лучше выражают смысл данного понятия или если их нельзя заменить немецким словом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бурмасова, С. И. Процесс лексического заимствования и влияющие на него факторы [электронный ресурс] режим доступа: <http://1aya.ru/paper/art-320736.php> (дата обращения: 28. 10. 2015).

2. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрах. – Киев: 1978. 320 с.

3. Карлинский, А.Е. Основы теории взаимодействия языков. – Алма-Ата: «Гылым», 1990. 181 с.

4. Минор, А.Я. Славяно-германские контакты и их отражение в современных языках // Языковые и культурные контакты. Саратов, СГУ, 2009. С. 7–10.

5. Швейцер, А. Д. Литературный язык в США и Англии / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1971. 200 с.

6. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Наука, 1960. 325 с.

7. Вайнрайх, У. О семантической структуре языка / У. Вайнрайх. – М.: 1970. 217 с.

8. Хауген, Э. Новое в лингвистике / Э. Хауген. – М.: 1972. 180 с.

9. Крысин, Л. П. К определению терминов "заимствование" и "заимствованное слово" / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 1965. 182 с.

10. Ефремов, Л. П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов / Л. П. Ефремов. – Алма-Ата: 1988. 288 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Дингес, Г. Г. О русских словах, заимствованных поволжскими немцами до 1876 года. // Наследие и региональные исследования. Сборник научных трудов. Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Выпуск VII. С. 24–77.

